

Коппель Свитский

Отрывок из книги „Mälestused
(Воспоминания)” (2009)

Перевод с эстонского Инны Теплицкой.

Школьные годы

1 сентября 1928 г. я поступил в Тартускую еврейскую начальную школу, находившуюся на Александровской улице. Школа помещалась в деревянном двухэтажном здании, к ней примыкал спортзал. (Здание было разрушено в войну, сейчас там пожарное депо). Зимой я шел в школу с ул. Пыйк прямо по льду замерзшей реки Эмайыги. В декабре здесь продавали елки. Лошади стояли у своих розвальней, уткнувшись в мешки с сеном. И в другие зимние месяцы крестьяне обычно ездили в город по льду.

Обучение в школе велось на идише, дома мы тоже общались на этом языке. Программа нашей школы немного отличалась от других школ – кроме основных предметов у нас были уроки языков идиш и иврит, а также еврейской истории и религии. Учителем идиша был господин Левенберг. Самым авторитетным в школе считался преподаватель иврита и иудаизма господин Левитин. Он стоял у колыбели школы и проработал до ее

закрытия. Учитель математики господин Саломон приехал из Литвы и говорил на идише со своеобразным акцентом. Со временем он стал директором школы и руководил ею до конца ее существования. Забегая вперед отмечу, что после войны он преподавал математику в русской гимназии (IV средней школе), у него училась моя старшая дочь.

Географию и естественные науки нам преподавал господин Шапот. Его уроки были очень интересными, но иногда он приводил нам маловероятные примеры. Объясняя, что дождь не может идти всюду одновременно, он рассказывал, что однажды шел по улице, одно его плечо промокло от дождя, а второе оставалось сухим. Учителем физики был господин Атлас, учителями эстонского языка – Райело, Кыйв и Курвиц. Рисование и рукоделие преподавала госпожа Олдерок. Она была пожилая немка и вела свои уроки на немецком и эстонском языках. Она выставляла на высокую подставку яблоко или грушу, которые мы должны были срисовать, но как только она поворачивалась к ним спиной – они исчезали. Учителем физкультуры был господин Эрих Лукин, боксер. Его брат Эвальд был чемпионом Эстонии по боксу (и многие девочки были в него влюблены). Немецкий язык преподавала госпожа Виленская, но так как я его изучал всего два года, то и особых успехов не достиг.

Учеба в классах начиналась в 8.15, но мальчики, начиная со 2 класса, приходили в школу в 7.45, чтобы участвовать в обязательной утренней молитве. По исполнению 13 лет (бармицвы) они накладывали тфилин. Молились под руководством господина Левитина. Он также контролировал, посещают ли учащиеся субботнюю службу в синагоге. На следующий день он у некоторых спрашивал – «Почему я тебя вчера не видел в синагоге?» Для пропуска субботней молитвы необходима была уважительная причина.

В 30-е гг. с развитием сионистского движения, некоторые учителя хотели преподавать на иврите, но идишисты с этим не согласились. Когда я учился в 6 классе, учителя-гебраисты вели свои уроки на иврите (Левитин), а другие продолжали обучать детей на идише.

В мае месяце в школе отмечали Лаг Беомер. Вместо занятий в этот день проводились экскурсии на природу, и нас угощали рожками (плодом рожкового дерева). Это – израильский фрукт, напоминающий по виду бобовый стручок черного цвета, но сладкий на вкус.

В школе нас не кормили, каждый приносил из дома бутерброд, а чай давали в школе. Как правило, все менялись бутербродами, не вынимая их из бумаги. У меня чаще всего был хлеб с копчушками, у Цали Кан – с колбасой, с ним мы менялись чаще всего.

Учиться мне было легко, так как у меня была хорошая память – я мог, не заглядывая в учебник, повторить все, что на прошлом уроке нам объяснял

учитель. Мне особенно нравились география, история, иврит и уроки религии. Математика мне давалась легко. Хуже всего было с рисованием. Из года в год я не вылезал из троек. Я активно участвовал в школьных мероприятиях, пел в хоре, играл в самодеятельных спектаклях. К 75-летию еврейского писателя Шолом Алейхема я выступил в актовом зале с докладом о его жизни. Кроме того, я был заводилой во всех шалостях.

В последнем 6-м классе начальной школы нас было всего шестеро (Бека Шпунгин, Рива Вагенхейм, Хоне Хейман, Роза Нахамчин, Хане Друй), поэтому заниматься приходилось много, каждого из нас почти ежедневно вызывали отвечать на уроках. Трое не захотели учиться дальше, поэтому в Еврейской гимназии следующей осенью не было 1-го класса. Я продолжил учёбу в 7 классе Тартуской мужской гимназии. Здесь до меня уже учились Калман Гелбарт и Шолем Шапиро.